

ПРИГОВОР

Рассказы

о Николае
РУБЦОВЕ

*А. Шилов,
Г. Сазонов,
Н. Голицын,
Е. Иванншкин
«Приговор»
Рассказы о Николае Рубцове
Вологда: 2004 - 24 с.*

Вологда

2004

МЕСТНЫЙ ОБЪЕДИТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

О Николае Рубцове
рассказывают:

певец Алексей ШИЛОВ,

поэт Геннадий САЗОНОВ,

журналист Николай ГОЛИЦЫН

КТ 1460889

журналист Евгений ИВАНИШКИН

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Последняя встреча с Николаем Рубцовым произошла зимним воскресным днем 17 января 1971 года. Где-то около 6 вечера раздался звонок. Я открываю двери, смотрю - Николай с Людмилой Дербиной.

- Проходите, раздевайтесь, будьте как дома, без церемоний.

Дома был я и моя жена, которую Николай почему-то всегда называл почтительно Нина Андреевна.

Николай, помню как сейчас, был в валенках, в толстой рубашке кирпичного цвета (галстуки не любил). Выглядел очень милым, добрым, свежим, охотно говорил, острил, галантно ухаживал за дамами (что с ним бывало далеко не всегда). Сидели мы вчетвером за журнальным столиком. Николай вдруг сказал:

- Разрешите я разолью вино! - В руках у него оказалась принесенная с собой

бутылка портвейна. Подняли по рюмке за встречу. После нескольких тостов Николай как-то просто, с подкупающей откровенностью попросил:

- Давайте сегодня слушать меня. Поговорим обо мне. Пусть это вам не покажется странным и нескромным с моей стороны.

Я спросил:

- Коля, что это значит? Как это понимать?

- Да очень просто, - ответил он, - почитаем мои стихи. Послушаем песни на мои слова.

Мы с удовольствием стали читать вслух его стихи, какие по памяти, какие с книжки. Потом я взял гитару и спел несколько своих песен на стихи Николая.

Рубцов слушал внимательно, молча, не перебивая. Был взволнован до слез.

- Спасибо, очень хорошо, - улыбнулся, когда я исполнил всё, что было у меня написано.

Затем по нашей общей просьбе почитала свои стихи Людмила Дербина. Читала она тихо, задушевно, без рисовки. Стихи нам понравились.

Тут я вспомнил и сказал Николаю:

- О тебе в газете «Правда» пишут. Хочешь прочту?

И я вслух прочитал отрывок из статьи, где тепло говорилось о поэзии Рубцова и Фокиной. В частности, там сообщалось, что Рубцов ничего не растерял из своих прежних достоинств. Наоборот, приобрел новые.

Говорили в тот вечер о разном, больше, конечно, о поэзии, музыке и вообще об искусстве.

Часов в 9 вечера стали прощаться. Я еще раз поставил на проигрыватель пластинки из Дома Радио с моими песнями на слова Рубцова: «Журавли», «Замерзают мои георгины», «Тихая моя родина», «Потонула во тьме отдаленная пристань», «Звезда полей во мгле заледенелой». На прощанье я подарил Коле пластинку на рентгеновской пленке, где я пел его песню «Рукой раздвинув темные кусты». Пластинку я подал Людмиле, дескать, это надежнее, а то Коля забудет или потеряет. Позднее эту пластинку, всю заезженную,

видимо, Коле она очень нравилась, нашли в квартире Рубцова.

В тот вечер Людмила Дербина вышла от нас первой. Коля - за ней. В дверях задержался, словно предчувствовал что-то недоброе. Хотя при этом храбрился и старался всем своим веселым видом сказать: у меня всё в порядке. Не беспокойтесь. Последние свои слова произнес нежно:

- Нина, Алексей, я Вас очень люблю! Люблю Вашу семью! Мне очень хорошо у Вас! Заходите ко мне в гости в любое время!

Людмила ждала его внизу, на первом этаже. И я напомнил Николаю, что его ждет дама, неудобно оставлять ее одну. И он, согласившись со мной, пожал мне руку.

Больше я его живым не видел.

Знал же я Николая Рубцова с августа 1967 года, и дружбой с ним очень горжусь.

На память у меня осталось несколько фотографий, где мы снялись с Николаем 7 ноября 1968 года на Советском проспекте после демонстрации. Эти фотографии и

книги с дарственными надписями поэта я храню как самые дорогие реликвии.

Алексей Сергеевич ШИЛОВ.

ИСТОК

Безмолвные заснеженные леса.
Дорога вьется с холма на холм.
Серая дымка струится с небес. Но
вот открывается простор,
неохватный взглядом, и по старинному
тракту, по тому самому, по которому уходил
в большую жизнь Михайло Ломоносов,
въезжаем в село Емецк, где 3 января 1936 года
родился поэт Николай Рубцов. Родина - она
всегда остается с нами, до последнего
дыхания, согревая душу неизбывным теплом.

Возле дороги, слева, стоит двухэтажный
желтый дом, обычный, ничем не
выделяющийся. В этом доме и родился Коля
четвертым ребенком в семье, которая
переехала сюда из Вологды в 1935 году. На
фасаде в честь памяти поэта укреплена
мемориальная доска, а само здание до сих пор
называют «орсовским», потому что оно и
тогда, и ныне принадлежало отделу рабочего
снабжения местного леспромхоза. В отделе
и работал отец поэта Михаил

Андреянович , о нем вспоминают, как о простом, доверчивом, доброжелательном человеке. «Отец Коли, - приводит воспоминание одной из жительниц села учительница, краевед Татьяна Минаева, - хорошо пел, любил музыку. Любимым его произведением была ария Сусанина. Моя мама говорила: «Опять завелась «ария» (у Рубцовых был патефон), значит, Михаил Андреянович пришел с работы...»

Под музыку, под песни, под рассказы взрослых (у Рубцовых часто ночевали сослуживцы из дальних лесопунктов) рос маленький Коля.

В те годы Емецк был районным центром Архангельской области, а вообще это древнее село с исконными русскими традициями. До революции оно славилось рождественскими ярмарками, на которые съезжались отовсюду, разнообразными ремеслами, церковной колокольной. Говаривали: «Шлю тебе привет с Емецкую колокольную», то есть очень большой...

Прожили Рубцовы здесь недолго - летом 1937 года главу семьи перевели в Няндому, где их преследовала одна беда за другой. В отличие от добротного емецкого дома поселили в бараке, отца исключили из партии и арестовали за «контр-революционную деятельность», старшая дочь Надя, еще не достигнув 16 лет, пошла работать, заболела, умерла... Больше года жили вот так, в разоре, пока отца не выпустили - обвинения не подтвердились.

Жители Емецка почитают и любят Николая Рубцова. Об этом говорит хотя бы такой факт. Как-то в село привезли 37 томов книги «Русский огонек», изданной в Вологде, их раскупили за день, дело доходило до скандала, многие обижались, что им не хватило.

Школьный музей в Емецке больше похож на настоящий краеведческий и создан усилиями Татьяны Васильевны Мининой, давней школьной учительницы. Она кропотливо собирает материалы о поэте, изучает его жизнь и творчество. В

музее, расположенном в красном кирпичном здании, построенном еще местными лесопромышленниками Вальцевыми, есть постоянная экспозиция о Николае Рубцове.

Я спросил Минину, что ей особенно нравится в поэзии Рубцова. «Всё! - ответила. - Тяжелая жизнь у него, но нет в стихах уныния, апатии. Это мне очень дорого!»

Она утверждает, что взрослым, уже в определенной мере известным, Рубцов побывал в Емецке. Приплыл на пароход, зашел в библиотеку (библиотекарша узнала его по портретам в газетах), спросил, где был орсовский дом. Видимо, хотел взглянуть на него. Родина - она всегда манит. Конечно, в селе его тогда никто не узнал. Прошел к емецкому луку - речному острову. И как она предполагает, впечатления легли в основу стихотворения «Ночь на Родине». Может быть! «Глубокая вода...И тихо так... Вернулся я - бывшее не вернется!»

Геннадий САЗОНОВ.

ВЕЧЕР В ХОЛМОГОРАХ

Было это за несколько месяцев до трагической гибели поэта. Впервые в Архангельске проходил расширенный пленум Союза писателей с участием Сергея Михалкова, Егора Исаева, Николая Жерякова, Сергея Орлова, Василия Белова, Александра Романова и многих других писателей. И в числе их приехал Николай Рубцов. Гости побывали на Куроострове, на родине Ломоносова. В заключении в Холмогорах состоялся вечер, где писатели познакомили читателей со своим творчеством.

Коля Рубцов уже был известен в Архангельске: служил в Североморске, потом работал в траловом флоте. Наша рыбацкая сторона - Фактория (поселок в Архангельске) знала его, хотя публикаций было еще немного. И вот он - наш гость вместе с другими писателями.

Они поплыли в Холмогоры на теплоходе,

а я поехал на машине. Была осень. Серая дымка. Но без дождя. Когда переехали через реку в село Ломоносово, я все фотографировал Николая, но не одного, а среди других. Был он веселый, живой, энергичный.

Холмогорские мужики половили рыбки, чтобы попотчевать гостей ухой из стерляди. В столовой получилось так, что я сидел за одним столом с Рубцовым.

Разговорились о поэтах и власти. И вдруг Рубцов резко переменился в настроении и сказал что-то отрывисто, зло. Я тогда понял: Рубцов очень ранимый, к нему надо относиться осторожно, чтобы не поранить словом. Он держался все время в тени, в сторонке. А на вечере - опять стал другим.

Вечер разделился как бы на две части - до Рубцова и с Рубцовым.

Неплохо читал Егор Исаев свою поэму «Суд памяти». Потом выступали и другие «мэтры». Чувствовалась то ли натянутость, то ли помпезность.

Но вот вышел Рубцов - и зал оживился.

Поэт был спокоен. Взял стул, на котором сидел, поставил перед собой, оперся о его спинку руками и стал слегка покачиваться в такт своих певучих стихов. Он много читал. Прерывался - рассказывал о себе, о планах. Опять читал - без монотонности и надрыва, прочувствованно и красиво. Отложилось в памяти, что он читал стихи про белого коня. Потом этого стихотворения я не встречал ни в одном из его сборников. Может, это было что-то новое, что он еще не успел записать. Но то, что он читал тогда про белого коня - это я помню хорошо. Зал не отпускал Рубцова. Поэт был счастлив.

Вспоминая тот вечер, иногда думаю, что в жизни ничего не бывает случайного. Может, поэт предчувствовал скорую кончину и оставлял землякам не просто стихи, а стихи-завещание.

Николай Прокопьевич ГОЛИЦЫН.

ПРИГОВОР

С поэтом Николаем Рубцовым меня познакомил радиожурналист Юрий Лещев. Было это летом 1965 года. Рубцов вместе с друзьями из «Вологодского комсомольца» направлялся обедать, и наше знакомство ограничилось тогда двумя-тремя фразами и крепким мужским рукопожатием.

Вскоре, однако, я снова встретил его и мы познакомились ближе. Николай сидел на старой, почерневшей от времени и дождей скамейке на Соборной горке, лицом к реке. В руках он держал бумажный кулек, из которого вынимал пирожки и угощал ими бродячего рыжего пса, преданно глядевшего ему в глаза.

- Хотел малость перекусить, - сказал Рубцов, - но Шарка тоже голоден, пришлось поделиться...

Разговорились. Сначала о породах собак, потом о людях, которые не дорожат своей дружбой с «братьями нашими меньшими».

Надо сказать, что я тоже был неравнодушен к собакам, привязанность к ним сохранил до сих пор. А в те далекие годы у меня было собрано о них много открыток и около сотни стихотворений - произведений поэтов разных времен и народов. Более того, одно время я был одержим идеей составить сборник-антологию, посвященный нашим четвероногим друзьям. Этой задумкой, естественно, поделился с Николаем. Он, не в пример моим многим знакомым, очень внимательно отнесся к этому увлечению.

- Знаешь, такая книга нужна и взрослым, и детям, - сказал Рубцов.- Ведь мир животных - составная часть нашей души. Это должен понять каждый человек. Тот, кто не любит их, считай, не состоялся на этом свете. Доброты и участия от него не жди...

Николай на минуту задумался, глядя на задремавшего у его ног рыжего лохматого пса, а затем неторопливо продолжил свою мысль: «Только издателям вряд ли нужна

такая книга. Ведь они приучены ценить барабанную поэзию, а тихая духовная лирика им недоступна. Не тот у них интеллект...»

Замечу, что интонация, с какой была произнесена эта фраза, в устах Рубцова прозвучала скорее сочувственно, чем осуждающе. Ему действительно было жаль издательских работников...

Недели через две мы вновь встретились с Николаем на старом базаре. Улыбнувшись, он без обиняков перешел к «собачьей» теме.

- Был на днях я у одного мэтра, рылся в книгах, - сказал Рубцов. - Нашел несколько стихов о собаках. У тебя они есть?

И он назвал ряд поэтических сборников. Книги были редкие. Их с трудом удалось отыскать в областной библиотеке. Та встреча и разговор до сих пор в моей памяти. Я понял, что Николай не только любит природу и все живое в ней, но и сам органично слит с окружающей средой. Рубцов мог, например, на полуслове оборвать разговор, чтобы проследить полет бабочки или шмеля, облюбовавших цветок,

который вырос и распустился среди пыльной городской зелени. А потом, не теряя нити разговора, вновь вернуться к нему и закончить начатую фразу. Думается, что в такие мгновения у него рождались поэтические строки.

Вспоминается еще один случай, который в какой-то мере является штрихом характера Николая Рубцова. Однажды мы гуляли с маленьким сыном в парке Ветеранов труда. Кроме качелей, танцплощадки и небольшого застекленного помещения, в котором собирались любители шахмат и шашек, в этом парке тогда ничего еще не было. Сын притомился, и мы присели с ним на скамейку в тени акаций. Вскоре на краешек нашей скамьи подсел неизвестно откуда появившийся Рубцов. Он был не один. Рядом, переминаясь с ноги на ногу, стоял Сергей Чухин, вологодский поэт. Их часто видели вместе. Сергей был влюблен в Рубцова, боготворил его творчество. Многие

юношеские стихи Чухина несли отпечаток влияния поэзии Николая Рубцова.

Не помню сейчас, о чем тогда шел разговор, но, как это часто случалось, Рубцов прервал фразу на полуслове. Лицо его побледнело и было обращено на кусты, которые росли по ту сторону аллеи. Там, за кустами паслись две лошади, на которых мы с Сергеем не обратили внимания. Грязные, неухоженные, они мирно щипали траву, время от времени встряхивая спутанной, давно не чесанной гривой.

- Откуда в парке лошади? - задал я немой вопрос Сергею.

- Это цыганские кони, - ответил он, уловив мой недоуменный взгляд. - Здесь рядом поселок, там живут цыганские семьи.

Рубцова, который с детства любил лошадей, знал, как называется вся упряжь, сам умел их запрягать, эта встреча с животными огорчила. Их неухоженный вид, тощие животы, не чесанные хвосты и гривы. С минуту мы сидели молча. Потом Рубцов произнес:

Ах вы, кони, цыганские кони,
Есть у вас ли кровинка родства!..

Неожиданно для нас Сергей сходу продолжил:

Вас из дому бескормица гонит,
Чтоб найти пропитанья средства.

Рубцову явно не понравилось это вторжение в его стихи, но он ничего не сказал. Помедлив пять-десять секунд, он молча встал и, не прощаясь, пошел по аллее к выходу из парка.

- Обиделся! Ну, конечно, обиделся, - промолвил Чухин и, тяжело вздохнув, поплелся вслед за Рубцовым.

Думается, что Николай, если и обиделся, то не на Чухина, а скорее всего на цыган, которые не по-людски относились к лошадям, плохо их кормили и чистили. А такого отношения к животным Рубцов простить людям не мог.

Надо сказать, что Рубцов трудно сходился с людьми, но если человек ему был симпатичен и ненавязчив, он дорожил

такой дружбой. Помнится, хорошие отношения у него установились с председателем совета коллектива физкультуры треста «Вологдасельстрой» Сергеем Марковым. Он был соседом по дому на улице Яшина. Николай пилил с ним дрова для титана, интересовался спортивной работой, участием строителей в различных кроссах, олимпиадах, туристических слетах, хотя сам, по моим наблюдениям, был равнодушен к спорту. Однажды, правда, Николай все же собрался поехать с нами на двухдневный туристический слет на реку Комёлу, однако в последний момент он передумал.

- Знаешь, - смущенно сказал он, - очень много народу. 400-500 человек - это очень много. Испоганят природу, а я так не могу...

Рубцов был дружен с Виктором Петровичем Астафьевым, который в те годы жил в Вологде, часто бывал у него в гостях. На одном из таких чаепитий мне довелось присутствовать. Было это на

старой квартире писателя - в крупнопанельной пятиэтажке на улице Герцена. Я пришел к Астафьеву, когда беседа уже заканчивалась. Вскоре все перешли в кабинет. Рубцов взял на колени гармонию и вполголоса запел. Манера исполнения песен на свои стихи была у Рубцова особенной. Ей были присущи высокое вдохновение и нежная, щемлящая грусть. Все это невольно передавалось окружающим. И Виктор Петрович, слушая эти песни, прослезился. Мария Семеновна попросила сыграть что-нибудь веселое. Рубцов, растянув меха гармони, на которой, можно сказать, играл почти профессионально, исполнил ряд зажигающих наигрышей, а потом спел и озорные частушки. Всем нам они очень понравились. И хотя внешне все выглядело более чем весело и непринужденно, нельзя было не заметить, что глаза Николая по-прежнему были задумчивыми и грустными. А веселые мелодии, которые он только что извлек из гармони, вовсе не отвечали его внутреннему миру чувств и душевному настроению.

Заметила это и Мария Семеновна, решив перевести беседу в прежнее русло. Однако продолжения разговора о бедах российской деревни и ее жителях не получилось. Николай рассеянно отвечал на вопросы, а потом совсем замолчал. Было видно, что обсуждать эту тему дальше ему было неприятно и больно. Я решил, что, может быть, это из-за моего неожиданного прихода и стал собираться домой. Встал и Рубцов. Попрощавшись с гостеприимными хозяевами, он заспешил к выходу. На улице мы перебросились с ним несколькими дежурными фразами о погоде. Разговор, как говорят, не клеился. Николай решил прогуляться до любимого им Софийского собора, полюбоваться вечерней рекой.

На следующее утро по пути на работу я встретил Рубцова у здания обойной фабрики. Он сразу же спросил меня:

- Думаешь, Мария Семеновна не обиделась, что я ушел по-английски, не прощаясь?

- Но ты же простился!

- Конечно. Но надо было не так... А у Софии, знаешь, я нишегошеньки не выходил. Дальше четверостишия не пошло...

И он прочитал:

Сижу в гостях за ароматным чаем
С друзьями, продолжая давний спор.
Россия, Русь! Неужто одичаем.
Себе подпишем смертный приговор?!..

Евгений ИВАНИШКИН.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Шилов. Последняя встреча.....	2
Геннадий Сазонов. Исток.....	.6
Николай Голицын. Вечер в Холмогорах....	10
Евгений Иванишкин. Приговор.....	14

Николай РУБЦОВ

В ПУСТЫНЕ

Сотни лет, пролетевших без вести,
Сотни лет, сверхестественно злой,
Как задуманный кем-то для мести,
Сотни лет над пустынями - зной!

Шли с проклятьями все караваны...
Кто ж любил вас? И кто вас ласкал?
Кто жалел погребенные страны
Меж песков и обрушенных скал?

Хриплым криком тревожа гробницы,
Поднимаются, словно кресты,
Фантастически мрачные птицы,
Одинокие птицы пустынь...

Но и в мертвых песках без движенья,
Как под гнетом неведомых дум,
Зреет жгучая жажда сраженья,
В каждом шорохе зреет самум!..

Графика Вячеслава СЕРГЕЕВА

Каким был Николай Рубцов? Этот вопрос еще долго будет открытым, ибо поэт при жизни не рекламировал о себе, считая себя обычным смертным, о ком можно знать и не знать. Однако его товарищи и друзья считают, что он достоин высокого почитания и знать о нем нужно практически все.

*Редактор Сергей Петрович Багров
Тираж 100 экземпляров*